

Ю. ЛАУЧЮТЕ

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ КРИТЕРИЙ ВЫДЕЛЕНИЯ БАЛТИЗМОВ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Известная близость славянских и балтийских языков объясняется не только сохранением в этих языках ряда общих особенностей индоевропейского языкового состояния и параллельным развитием новообразований, но и сравнительно большим количеством заимствований из одних языков в другие. Заимствованные слова в любом языке выделяются с помощью ряда критериев: фонетического, словообразовательного, семантического, лингвогеографического, историко-этнографического и др.

Изучение балто-славянских лексических связей в плане заимствованной лексики осложняется именно большой близостью этих языковых групп. Нередки случаи, когда трудно определить, имеем ли мы дело с заимствованием, или перед нами исконно родственные слова. Об этом писал, например, Б. В. Горнунг, который в качестве одного из таких случаев приводит русск. *сад* и лит. *sōdas*¹. А. Брюкнер считал, что лит. *sōdas* является заимствованием из славянских языков². Однако фонетически между *сад* и *sōdas* такое же отношение, как и между русск. *клад* и лит. *klōdas*, где исконно балтийский характер литовского слова никогда не вызывал сомнений. Отсутствие родственных связей, этимологическая изолированность слова также не может служить достаточно надежным критерием для определения его заимствованного характера, ибо в таком случае в ряду балтизмов окажутся, например, такие слова, как *рука*, *милый*, *снег* и др. Кстати, именно по этой причине слова *рука* и *милый* уже вызвали сомнение в плане своего исконно славянского происхождения (Я. Розвадовский, Н. И. Толстой³). Другим примером подобного рода может служить русск. диал. *кльпáть* и блр. *кльпаць* „ковы-

¹ Б. В. Горнунг, Из предьстории образования общеславянского языкового единства, Москва, 1963, 98.

² А. Brückner, Die slavischen Fremdwörter im Litauischen, Weimar, 1877, 135.

³ J. Rozwadowski, O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich, — RS1 V (1912) 35; Лексічныя балтызмы ў беларускай мове (Матэрыялы для абмеркавання), Мінск, 1969, 47.

лять“, из которых первое обычно рассматривается как слово, исконно родственное лит. *klūpti* „спотыкаться“, *klūpoti* „стоять на коленях“⁴, а последнее считается заимствованным из лит. *klypūoti* „хромать, ковылять“⁵. Как бы ни решать данный вопрос, пример этот говорит о сложности разграничения исконной и заимствованной лексики в балтийских и славянских языках.

Все подобные случаи свидетельствуют о том, что разработка каждого отдельного критерия имеет важное значение для определения заимствований. При изучении конкретных балтийских заимствований в славянских языках большая часть всех аргументов опирается на фонетический и лингвогеографический критерий. В значительно меньшей степени привлекается критерий семантический. Словообразовательный же критерий используется крайне редко, и объясняется это, по-видимому, наличием большого количества общих черт в словообразовательной системе балтийских и славянских языков. В связи с этим привлечение словообразовательного критерия заставляет принимать во внимание подчас незначительные нюансы, проявляющиеся в той или иной словообразовательной модели. Как пример использования словообразовательного критерия можно привести предложенную В. В. Мартыновым гипотезу о балтийском происхождении праслав. **ortajb*⁶ и предположение Ю. В. Откупщикова о заимствовании из балтийского праслав. **remesb*, на базе которого было образовано ст.-слав. РЕМЕСЬСТВО⁷.

Ниже мы более подробно остановимся на некоторых конкретных сторонах использования словообразовательного критерия при выделении балтизмов в славянских языках.

Во-первых, надежным критерием балтийского происхождения определенного славянского слова может служить наличие специфически балтийского суффикса. Например, в противоположность характерному балтийскому суффиксу *-īb-a* (лит. *darýba* „образование“), в славянских языках типичной является модель на *-ьба* (русс. *борьба*). Это распределение суффиксов позволяет отнести к балтизмам не только такие слова, как русск. диал. *валь-дѣба* „правление колхоза“, *пайшѣба* „рисование“⁸, ст.-блр. *шерѣбы* „корм-

⁴ М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, II, Москва, 1967, 256; Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи, Москва, 1963, 58–59.

⁵ Е. Ф. Карский, К вопросу о влиянии литовского и латышского языков на белорусское наречие, — РФВ XLIX (1903) 19; E. Blese, Alcuni rapporti fra il bianco russo e le lingue baltiche, — StB V (1935–1936) 13; Лексичныя балтызмы..., 13.

⁶ Лексичныя балтызмы..., 24–25.

⁷ Там же, 33; *Baltistica*, VII (2), 1972, 122–128.

⁸ В. Немченко, Словарный состав говора русского населения Йонавского района Литовской ССР, — *Kalbotyra* III (1965) 179.

ление скота; особый вид податей"⁹ (ср. лит. *valdyba*, *pašyba*, *žėryba* в тех же значениях), но также и русск. диал. *аруба* „пахота“ (при исконно славянском *орьба*), польск. *sadyba/sadziba*, блр. *садзиба*, укр. *садиба* с общим значением „усадьба, селище, дом“ (ср. русск. *у-садьба* — с суффиксом славянского происхождения).

Для славянских языков нехарактерен суффикс *-еня* в образованиях названий пищи. В литовском языке суффикс *-ienė* является наиболее употребительным для образований такого рода. Наличие данного суффикса в славянских словах обычно говорит о балтийском происхождении таких слов: ср. блр. *раўгэня* „солодовая каша“ ← лит. *raugienė* „солодовая каша; кислые щи“ (< *raugas* „закваска“) ¹⁰, сюда же следует отнести и русск. *рявгенья* „солодовая каша“; блр. *лапэня*, польск. *łapienia* „суп из листьев свеклы, щавеля“ ← лит. *lapienė* то же (< *lāpas* „лист“) и др.

Весьма показательным для балтизмов в славянских языках является суффикс *-ум/-ис-* (← лит. *-ut-*) с патронимическим и диминутивным значением, а также суффикс *-ук/-ик-* (← лит. *-uk-*) с тем же значением. О распространении данных суффиксов в сейнских говорах польского языка писал Т. Зданцевич¹¹. Мы можем привести еще несколько примеров: польск. *ragucie* „вид саней“ ← лит. *rogūtės* „саночки“ ¹², *kuziucis* „жеребенок“ ← лит. **kuziutis*, ср. *kūzis* „жеребенок“ ¹³, *gieguć* „парень, говорящий по литовски“ ← лит. **gegutis*, ср. *gegutė* „кукушка“ и др.

В связи с суффиксацией балтийского происхождения, большой интерес представляют случаи „обратного“ заимствования, т. е. случаи, когда славянское слово проникает в балтийские языки, там обрастает балтийскими суффиксами и затем заимствуется обратно в славянские языки. При определении такого рода заимствований решающая роль принадлежит словообразовательному критерию. Например, наличие уже отмеченных суффиксов *-еня/-ienia*, *-ум/-ис-* и др. позволяет считать балтизмами такие слова, как польск. *rosolienia* „вид кушанья“ (← лит. *rasaliėnė* то же) ¹⁴, *bulv'en'a* „картофельный суп“ ¹⁵,

⁹ К. Jablonskis, Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje, Kaunas, 1941, 231.

¹⁰ Е. Карский, Белорусы, I, Вильна-Варшава, 1904, 131.

¹¹ Т. Zdanczewicz, Wpływy litewskie i wschodniosłowiańskie w polskich gwarach pod Sejnami, — ABSI I (1964) 233.

¹² Е. Fraenkel, Litauisches etymologisches Wörterbuch, Heidelberg — Göttingen, 1955 ff., 685.

¹³ А. А. Вяржбоўскі, Беларуска-літоўскія лексічныя ўзаемасувязі (канд. дисс., машинопись), Мінск, 1960, 872.

¹⁴ Там же, 885.

¹⁵ Т. Zdanczewicz. Litewskie elementy słownikowe w gwarach polskich okolic Sejń, — LP VIII (1960) 337.

русск. *гульбѣня* то же (←лит. *bulviėnė*, диал. *gulbiėnė* то же), польск. *cieluszutka* „телка“¹⁶, русск., блр. *крупѣня* (*крупення*, *крупейня*, *крупень*) „суп или каша из крупы“ (←лит. *kruoriėnė* то же) и др., хотя основы у всех приведенных заимствованных балтийских слов — славянского происхождения. Ср. также польск. *ženiklis* „жених“¹⁷, где наличествует и литовский суффикс *-kl-*, и литовская флексия *-is*, *bajoras* „боярин“¹⁸, где на литовское посредничество указывает фонетика и флексия *-as*.

Известны также и противоположные случаи, когда в славянских языках образуется новое слово от балтийской основы, но со славянским суффиксом, например, русск. *кятѹрка* „ширинка; вставка в штанах для расширения шага“ (лит. *keturì* „четыре“ + слав. *-k-*), польск. *naktaj* „человек, который шатается по ночам“ (лит. *naktis* „ночь“ + слав. *-/m/aŭ*). Наличие славянского суффикса при балтийской основе так же затрудняет определение происхождения слова, как и балтийский суффикс при славянской или славяно-балтийской основе.

В отдельных случаях в славянских словах наличествует балтийская основа и балтийский суффикс, но соответствующее слово в балтийских языках не засвидетельствовано. Например, русск., блр., укр. *кувшин* (*кукишин*, *каŭшын*) (лит. *kaušas* — **kaušinas*¹⁹), блр. диал. *лапiкла* „большая заплата“ (лит. *lopyti* „латать, ставить заплату“ — **lopykla/s/*). Образование слова *кувшин* достаточно ясно изложено М. Фасмером, а для слова *лапiкла* можно привести следующие словообразовательные параллели из литовского языка: *gŭdyti* „лечить“ — *gŭdyklas* „лекарство“, *válgyti* „есть“ — *valgyklas* „еда“ (при *valgyklà* „столовая“), *vŭstyti* „пеленать“ — *vŭstŭklas* „пеленка“ ... *lopyti* — **lopykla/s/*, ср. лтш. *lāpeklis* „починка“. Несмотря на отсутствие приведенных под звездочкой балтийских форм **kaušinas* и **lopykla/s/*, образование славянских слов *кувшин* и *лапiкла* может быть удовлетворительно объяснено лишь на основе балтийских словообразовательных моделей.

Словообразовательный критерий, по-видимому, с меньшим эффектом может быть использован при разборе приставочных образований. Во всяком случае, нам известны весьма немногочисленные примеры. Это, в первую очередь, некоторые образования с приставкой **ра-*. Словообразовательные модели с данным префиксом известны и славянским, и балтийским языкам, но между

¹⁶ А. А. Вяржбоўскі, Ук. соч., 889.

¹⁷ Там же, 868.

¹⁸ J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki, Słownik języka polskiego, I, Warszawa, 1900, 84.

¹⁹ М. Фасмер, Ук. соч., II, 397—398.

ними есть существенные различия. Для славянских языков характерна модель типа русск. *падуб*, *пасынок*, *паногти* и т. д. Говорить о скольнибудь значительном распространении отглагольных образований с приставкой *па-* в славянских языках не приходится. Между тем, отглагольные образования с данной приставкой весьма широко представлены в балтийских языках. Поэтому существование таких образований, как лит. *pākulos* „пакля“ — *kūlti* „молоть“, *pāšaras* „корм“ — *šerti* „кормить“, *pāsijos* „высевки“ — *sėti* „сеять“, *pakurà* „топка“ — *kūrti* „зажигать, топить“ с их прозрачной этимологией и надежными словообразовательными связями позволяет говорить о балтийском происхождении следующих славянских слов: блр. *пóшар* „корм“, польск. *poszor* то же²⁰, блр. *пачéи* „высевки“, польск. *posieje* то же, *pakura* „топка“, наряду с хорошо известным примером: блр. *пакулля*, польск. *pakul*, русск. *пакля*²¹.

Случай, где в славянских балтизмах наличествовал бы и специфически балтийский префикс, крайне редки. В современных польских и белорусских говорах Лугомовичей (БССР) отмечено слово *uzmowić*, *uzmowićь* „надеть, натянуть“, заимствованное из лит. *užmāuti* то же²²; с той же приставкой образовано и польск. *uczкура* „мужская повязка“²³, ср. в памятниках старобелорусской и старопольской письменности блр. *уж(ш)кур(ш)*, польск. *uszkuris* „зять, принятый в семью (дом) жены“ ← лит. *užkurỹs* то же²⁴. Заметно чаще балтийские приставки встречаются не в говорах, а в памятниках письменности, ср. слова с приставками *už-/užu-*: блр. *ужутвор* ← лит. *užtvoris* „место за забором“, польск. *užgiry* ← лит. *užgiraĩ* „угощение по поводу удачной сделки или сватовства“ и др.²⁵. Единичны случаи, где вместе с балтийской основой заимствовались другие балтийские же префиксы, например, *iš-/iž-*, *i-/in-*, *api-*: блр. *ишовги* ← лит. *išaugos* „ростки“, *иждокг* ← лит. *išdaga* „выгоревшее место“, *инток* ← лит. *iñtakas* „приток“, польск. *inkurtowiny* ← лит. диал. *inkurtùvės* „новоселье“, польск. *opidoma*, блр. *apidемя* ← лит. *apidėmė* „поле, обычно находящееся около дома“ и др.²⁶

²⁰ J. Otrębski, Lituanizmy słownikowe w dialekcie polskim na Wileńszczyźnie, — Język Polski XVI (1931) 83; K. Jablonskis, Ук. соч., 320, 348 и др.

²¹ E. Fraenkel, Lit. etym. Wb., 211; M. Vasmer, Russisches etymologisches Wörterbuch, II, Heidelberg, 1957, 303.

²² А. А. Вяржбоўскі, Ук. соч., 888.

²³ J. Karłowicz, O języku litewskim, — Rozprawy i sprawozdania s posiedzeń wydziału filologicznego Akademii umiejętności, II, 1875, 324.

²⁴ K. Jablonskis, Ук. соч., 243, 325, 349.

²⁵ Там же, 247, 246, 350.

²⁶ Там же, 77, 76, 278, 335, I, 300, 337.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что словообразовательный критерий имеет особенно важное значение, главным образом, в следующих двух случаях: 1) когда соответствующая основа наличествует и в балтийских, и в славянских языках, и только словообразовательные признаки позволяют говорить о заимствовании из балтийского в славянский (слова типа *ариба*, *инток*, *лапiкла*, *садзиба*); 2) когда имеет место последовательное двойное заимствование и славянского в балтийский и обратно (*крупеня*, *rosolienia*, *ženiklis* и др.).

Разумеется, наиболее достоверные результаты дает совокупное применение различных критериев при выделении лексических балтизмов в славянских языках. Приведенные примеры лишь показывают, что словообразовательный критерий играет при этом далеко не последнюю роль²⁷.

²⁷ Материал славянских языков, помимо указанных словарей и статей, приводится по следующим работам: Б. Грінченко, Словарь української мови, I–IV, Київ, 1908; М. Каспярівіч, Віцебскі краёвы слоўнік (Матэр'ялы), Віцебск, 1927; В. Н. Немченко, А. И. Синица, Т. Ф. Мурникова, Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики, Рига, 1963; И. И. Носович, Словарь белорусского наречия, СПб., 1870; М. В. Шатэрнік, Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны, Менск, 1929; Картотека Псковского областного словаря (ЛГУ); J. Karłowicz, Słownik gwar polskich, I–IV, Kraków, 1900–1911.